

Новые Известия - 2001 - 22 мар. - с. 7.

Мечтам и годам нет возврата

Московский концерт Эрика Курмангалиева

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

Лет двадцать назад юноша с колоритной азиатской внешностью и удивительной кошачьей пластикой, поющий природным альтом, был настоящим столичным чудом. Позже из студента Гнесинского института получилась одна из самых ярких звезд Театра Романа Виктюка. Спектакль «М. Баттерфляй», который, казалось, был создан специально для него, принес ему сумасшедший успех и как следствие новый, еще более мощный виток популярности. Естественно, с привкусом скандальности: уж слишком много неординарных дарований и черт характера соединилось в одном человеке.

Тривиальное испытание славой оказалось для Курмангалиева трудно переживаемым. После работы с Виктюком ему не удалось найти «свой» ни драматический, ни оперный театр. Он взял по-заморски зву-

чащий псевдоним — Салим-Мерюэрт. Однако и с новым именем он лишь эпизодически появлялся в каких-то малоприметных предприятиях атрепризного толка. Последний раз до сего момента певец показывался в Москве в 1996 году в роли князя Орловского из оперетты Иоганна Штрауса «Летучая мышь» на сцене «Геликон-оперы». Но и там он не задержался надолго и вновь бесследно исчез сразу после премьерных представлений. Злые языки даже стали поговаривать, что Курмангалиев решил поставить точку в своей оперной, да и театральной карьере. Правда, верилось в это с трудом. Тот, кто хоть раз в жизни попробовал наркотик сценического выступления, так просто не сдастся.

И вот после пятилетнего «моратория» Эрик Курмангалиев решительно предстал перед московской публикой. С сольным концертом на самой ответственной столичной сцене — Большого зала консерватории. И представлялось, этим вече-

ром он хотел объять необъятное, показав себя во всех стилях и жанрах. Первое отделение составила русская музыка — романсы Чайковского, Рахманинова и в завершение некогда коронный номер певца, речитатив Ратмира из оперы Глинки «Руслан и Людмила» под фортепиано Ирины Кирилловой. А вот вторая часть концерта была отдана западноевропейцам от багоссо до bel canto: Гайдн, Вивальди, Страделла, Россини, а в качестве аккомпаниатора Квартет имени Глинки.

Это будучи звездой Театра Виктюка, Эрик Курмангалиев позволял себе появляться на консерваторской сцене в ядовито-желтой рубашке на выпуск с малиновым бантом вместо галстука. Сегодня же он, одетый в соответствующий моменту классический черный фрак в первой части концерта и аскетичную черную рубашку во второй, держался интеллигентно-строго (чувствовались уроки мастерства от Нины Дорлиак в консерваторской

аспирантуре), хотя явно очень волновался. Контратенор певца никак не мог обрести полное звучание и выглядел микстом, а иногда и откровенным фальцетом. Голоса было настолько мало, что он скорее напевал, чем пел. К тому же испытывая проблемы с интонацией и длиной дыхания. Все произведения исполнялись настолько медленно (почти с внутренними паузами), что зачастую они полностью утрачивали свою музыкальную форму. А к финалу вечера на фоне пошлых оркестровок для квартета пение окончательно трансформировалось в чистую мелодекламацию.

Видно, рачительно распорядиться своим уникальным даром для Эрика Курмангалиева оказалось нерешимой задачей. Но публика, заполнившая Большой зал почти до отказа, была великодушна к герою прошлых лет и подарила ему праздник — завалила его цветами и кричала браво после каждого номера.

Значительную часть аудитории БЗК составляли казахи и геи. Последних у входа поджидали скинхеды.